

21 октября 1982 г.

К 200-летию Зелили

С Д У М О Й О Р О Д И Н Е

В историю туркменского народа Курбандурды Зелили вошел как верный сын отчизны, с оружием в руках защищавший свою землю, продолжатель замечательных традиций великого Махтумкули.

Всенародная слава к Зелили пришла давно. Однако до Октябрьской революции произведения поэта не печатались, не изучались в школах и медресе. Но они передавались из уст в уста, звучали в напевах бахши, переходили из поколения в поколение. Трудовой народ не позволил звонким стихам Зелили потеряться, исчезнуть совсем. А уже в первые годы Советской власти началось изучение литературного наследия поэта, стали готовиться и сборники его стихов. Впервые стихи поэта были изданы в 1926 году. Затем они издавались в 1940, 1949, 1954, 1959, 1960 годах. Трижды — в 1940, 1948 и, наконец, в 1981 году выходили его книги на русском языке.

В подготовке к публикации и в изучении произведений поэта-классика большая заслуга принадлежит таким туркменским литературоведам и писателям, как Ахундов — Гунгерли, К. Ишанов, Р. Алиев, Б. Каррыев, К. Курбаннеспесов и другие. Велики и заслуги в популяризации произведений поэта русских ученых и писателей — в первую очередь, большого друга туркменской литературы А. Н. Самойловича, Н. Брюлловой-Шаскольской, В. Стрельченко, Н. Коровенко, Г. И. Карпова, Г. Веселкова, Н. Гребнева и других.

Багодаря статье профессора Н. Брюлловой-Шаскольской «Страницы туркменской поэзии» русские читатели имели возможность познакомиться с творчеством Зелили еще в 1928 году. Ей принадлежит наиболее точная трактовка творческого облика классика: «Зелили — глубоко национальный поэт. Все его песни наполнены одним мотивом — тоской по родине и ненавистью к поработителям».

Около десяти лет томился поэт в плену у хивинского хана. Именно этими годами датированы стихи «Сеиди», «Привет, Сеиди!», «Чох ар-ман сенин» («Ментли ходжа»), «Будто жизнь мне надоела», «Отчизна моя». К сожалению, нам известны лишь эти произведения, созданные в период пребывания в плену.

Понятно, что такой вдохновенный патриот, как Зелили не мог в течение десяти лет написать только пять-шесть стихотворений. Видимо, остальные не дошли до нас. Стихи Зелили, созданные в плену, представляют интерес не только для филологов, но и для историков, для всех, кого интересует прошлое туркменского народа.

Вспомним еще одно обстоятельство: стихи «Сеиди», «Привет, Сеиди!» переходили из уст в уста и так дошли до нашего времени. Строки их неспроста стали столь популярны в народе. Причина в том, что они на самом деле обращены не к одному лишь Сеиди, это — литературный прием, позволяющий поэту говорить во весь голос с родным народом. И повествуют они не только о страданиях самого автора, но и о лишениях его бедного соседа — деханина, чабана, словом, простого люда. Ищет «пропитания ныне на чужбине» не один лишь Зелили, а и его товарищи по плену.

Всех, кто был жив,
погнади в даль из дали,
И небеса грозю
громыхали,
И на людские слезы
отвечали,
И камни скал рыдали,
Сеиди!

(Перевод Н. Гребнева.)

По свидетельству хивинского историка Агехи, вместе с Зелили в плен были пригнаны около 40 тысяч туркменских семей. Вот почему тема бедствий народных, тяготы жизни пленных — непреходящие мотивы в его творчестве.

Разлука с родным краем, трагические судьбы земляков разбредили душу поэта. Болью сердца пронизана каждая строка стихотворения «Отчизна моя». Болью и гордостью за своих земляков, отважных батыров:

Одна мне в неволе
сияет мечта:
Тебя жаждет сердце,
отчизна моя!
Атрек и Гурген —
о, родные места,
Тебя жаждет сердце,
отчизна моя!

(Перевод Г. Веселкова.)

Элегия Зелили «Отчизна моя» верно отражает политическое положение тех дней, служит прекрасной иллюстрацией к одной из трагических страниц в истории туркменского народа. Это стихотворение сыграло большую роль в патриотическом воспитании современников поэта. Это — жемчужина классической туркменской поэ-

зии и с идейной, и с художественной точки зрения.

Чем объяснить идейно-художественное значение элегий? Конечно же, в первую очередь, тем, что написана она была очевидцем событий. Тем не менее, в неволе Зелили были написаны и многие другие стихи, не поднимавшиеся все же до завстных поэтических высот. Дело, конечно, не в том, что широк набор использованных в элегий поэтических средств. Не меньше их и в других стихах поэта. Дело, видимо, в философском осмыслении, в том, что поэт поднялся здесь до обобщений.

В стихотворении «Отчизна моя» есть, кстати, строфа, требующая, с точки зрения наших современников, специального разъяснения:

...Там люди не ведают
горя, нужды,
Никто никому не
накличет беды,
На пажитях золотом,
всходят труды.
Тебя жаждет сердце,
отчизна моя!

Как же так? — естественно удивится читатель. — Выходит, в Атреке и Гургене не было никакого классового расслоения? Ни баев, ни бедняков? Нет, вывод этот был бы не верен. Кстати, Зелили объективно оценивал существующий общественный строй, классовые отношения. В другом стихотворении «Привет, Сеиди!» он отмечает, что все несправедливости, все беды в первую очередь ложатся на плечи трудового народа. Простые люди, охраняют родину, и они же, гонимые из нее, лишены крова. Сочувствие к людям труда пронизывает десятки других его стихотворений, таких, как «Озге дем болмаз», «Хорошо», «Кяре донди», «Болмаса», «Деньгами»...

Но как бы там ни было, а идеализирование все же налицо, и истоки его — в горячей любви поэта к месту, где суждено ему было появиться на свет, где прошло детство. Атрек и Гурген — вот где прошли лучшие годы. Чтобы понять, почувствовать всю притягательную силу родных краев, просто логических умозаключений недостаточно — необходимо самому, всей своей сутью ощутить горечь разлуки. А кто почувствует ее сильнее, чем человек, находящийся в неволе!

Припоминается здесь стихотворение лауреата Ленинской премии Расула Гамзатова «Родной язык». Оно кончается такими строками:

Мне дорог край цветущий
и свободный,
От Балтики до Сахалина
— весь.
Я за него погибну
где угодно,
Но пусть меня зароят
в землю здесь,
Чтоб у плиты могильной
близ аула
Аварцы вспоминали
иногда
Аварским словом
земляка Расула —
Преемника Гамзата
из Цада.

Уж если родные края так сильно привязали к себе поэта, правомочного жить свободно от Балтики до Сахалина, можно представить, как трогали они душу находящегося в заточении Зелили. Конечно, у Гамзатова под словом Родина подразумевается вся советская земля, а понятия Зелили о родине не смогли выйти за рамки национальных границ. Но объясняется это отнюдь не недостатком знаний, не узостью мировоззрения Зелили. Это — следствие исторического периода, в который довелось жить и творить поэту. Разбойничьи набеги иранского шаха, бухарского эмира, хивинского хана — вот повторяющиеся раз за разом эпизоды жизни туркменского народа в XVIII—XIX веках. В таких исторических условиях понятие о родине и не могло выйти за рамки национального.

И еще об одном думается: настоящий поэт всегда способен заглянуть вперед, в завтрашний день. В словах о земляках, не знающих больше нужды и горя, — сокровенная мечта Зелили, его пророческое предвидение наших дней.

Зелили — борец за самостоятельность и независимость своего народа, своей родины. Как он сам говорит, с «прекрасным народом» жил он в неволе, писал стихи, поднимающие его дух, служил своему «прекрасному народу», заболел о том, чтобы соплеменники его были грамотными, мечтал о светлом будущем. Народ, родина — смысл жизни поэта. И подготовка к 200-летию Юбилею Зелили прекрасно свидетельствует о том, как высоко ценит его творчество свободный, равноправный в братской семье народов туркменский народ, за счастье которого он боролся.

К. ГЕЛЬДЫЕВ,
кандидат филологических наук